



## Севастопольскія воспоминанія.

1853 г.



В течение мая, июня, июля и начала августа изъ артиллерійскаго главнаго управленія командировали въ Севастополь по одному офицеру въ распоряженіе начальника артиллеріи, генерала Шейдемана, въ качествѣ ординарца, срокомъ на двое сутокъ. Такимъ образомъ и на мою долю выпало дежурить у генерала Шейдемана дни, непосредственно слѣдовавшіе послѣ отбитаго штурма, и я полагаю не безынтереснымъ рассказать маленькій эпизодъ, послѣдовавшій за этимъ славнымъ и, кажется, единственнымъ утѣшительнымъ эпизодомъ геройской обороны. Штурмъ былъ отбитъ раннимъ утромъ, и усиленная пальба почти совершенно прекратилась. Мы возвращались съ генераломъ Шейдеманомъ на нашу главную квартиру недалеко отъ площади. На душѣ было радостно, какъ-то даже празднично, радостно, ибо мы съ успѣхомъ вышли изъ тяжелаго испытанія. Пріятно было и то, что лично мы чувствовали себя въ сравнительной безопасности и могли отдохнуть отъ тяжелыхъ трудовъ. Вдругъ навстрѣчу намъ скачетъ во всю прыть казакъ. Поровнявшись съ генераломъ, онъ осадилъ лошадь и подалъ какую-то бумагу. Генераль прочелъ ее и, обращаясь ко мнѣ, объявилъ, что на насъ выпала новая бѣда: на одинъ изъ бараконъ, построенныхъ вдоль канала, въ довольно пустынномъ мѣстѣ и въ которомъ обыкновенно хранились снаряды, упала граната; крыша загорѣлась, и всѣмъ снарядамъ, числомъ около 6 тысячъ, грозила гибель. Вскорѣ мы приблизились къ берегу канала, гдѣ находился горящій баракъ. Глазамъ нашимъ представился совершенно пустынный берегъ, занимающаяся крыша досчатаго зданія и отъ времени разрывающіяся гранаты. Средствъ для тушенія никакихъ. Разумный человекъ постарался бы спасти ящики со снарядами, а такихъ ящиковъ въ баракѣ было немало, но мой генераль рѣшился взять

быка за рога. Съ нами было четыре казака. Двухъ онъ взялъ съ собою, а двухъ командировалъ со мною и послалъ меня съ двумя казаками съ приказаніемъ начать тушить крышу съ одного конца, а самъ съ двумя казаками принялся за то же дѣло съ другого конца. Въ усиленіе онъ приказалъ мнѣ, по мѣрѣ силъ, собрать людей съ ближайшихъ улицъ и стараться тушить, чѣмъ попало. Въ концѣ барака было нѣсколько извилистыхъ переулковъ, въ которыхъ въ то время уже была кой-какая жизнь: въ лавкахъ торговали, возлѣ стояли кадки съ квасомъ, и кое-гдѣ бродилъ народъ. Въѣхавши въ одну изъ такихъ улицъ, я обратился къ толпѣ и старался уговорить помочь мнѣ тушить горящую крышу; должно быть, мое рвеніе было такъ сильно, что человекъ десять присоединились къ нашей небольшой кучкѣ; опростали нѣсколько чановъ съ квасомъ и двинулись къ выходу изъ кривого переулка на берегъ канала, у котораго все болѣе и болѣе разгорался баракъ. Мы постарались захватить воды изъ канала въ наши кадки и плескали изъ нихъ въ горящую крышу, но, очевидно, безъ всякаго результата. Между тѣмъ пожаръ все усиливался, и осколки все чаще пролетали мимо насъ; наконецъ, случилось неизбежное: осколкомъ задѣло одного изъ нашей кучки, онъ растянулся, и въ одно мгновеніе моей кучки какъ бы не стало. И добровольцы и казаки— все исчезло. Мы съ трудомъ подняли раненаго, къ счастью, не особенно опасно, и изъ переулка, откуда начался нашъ походъ, отнесли въ ближній лазаретъ. Послѣ такого неизбежнаго результата я съ моими вернувшимися казаками отправился на противоположный конецъ горящаго барака отыскивать генерала. Его эпопея была похожа на мою, но только у него не было раненыхъ. Мы направились домой. На счастье, почти вслѣдъ за нами, къ горящему бараку подоспѣла серьезная сила съ пожарной трубой. Быстро принялись не только тушить крышу, но и освобождать баракъ отъ ящичковъ съ патронами, съ чего и намъ бы слѣдовало начать.

В. Лугининъ.

